

ЛОТАН Цви (Генри)¹

**НЕЖНАЯ ЛЮБОВЬ И ТРАНСФЕР:
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА К.Г. ЮНГА
И САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН²**

(Перевод с английского Ольги Лежжиной)

Автор выражает свое несогласие с широко известной интерпретацией, согласно которой отношения между Сабинной Шпильрейн и Карлом Юнгом в 1904 – 1910 годах включали в себя сексуальное взаимодействие и представляли собой этическое нарушение границы «доктор – пациентка» в процессе лечения. Шпильрейн заявляла, что ее лечение закончилось уходом из госпиталя Бурхольцли, где она была пациенткой Юнга в 1904 – 1905 годах. Юнг утверждал, что он «продлил отношения», чтобы предотвратить рецидив; он также называл эти отношения дружескими. Материалы, опубликованные в 1994 году (письма, черновики, дневники, больничная карта), и неопубликованные письма, недавно найденные автором в архиве Клапареде в Женеве, проливают новый свет на ранее опубликованные документы и интерпретации Каротенуто, которые доминировали во вторичной литературе с 1980 года. Новые материалы дают возможность более точного взгляда на отношения Шпильрейн – Юнг и указывают на функцию незротической любви в терапевтических отношениях. Новый взгляд на переписку Фрейд-Юнг об отношениях Шпильрейн – Юнг дает возможность понять, что мнение Юнга о том, что сексуальный скандал был инициирован Шпильрейн, явилось результатом неверного понимания Юнгом сплетен, касающихся другой женщины; этот эпизод не оказал болезненного влияния на отношения между Фрейдом и Юнгом.

Во многих европейских языках слово «любовь» обозначает как личную привязанность, имеющую характер нежной благосклонности, так и страстное эротическое желание, направленное на другого человека. В каждой конкретной ситуации лишь контекст говорит нам, какой вид любви подразумевается; а временами даже контекст оставляет нас в неуверенности. Это и есть случай одного из самых известных любовных узлов в истории психоанализа, отношений между Сабинной Шпильрейн (1885-1941) и Карлом Густавом Юнгом (1875-1961), природа которого продолжает обсуждаться в литературе.

Краткий обзор современного состояния взглядов на отношения Шпильрейн-Юнг поможет нам понять изменение, предлагаемое в данной статье. До 1980 года Шпильрейн была не более чем цитатой в примечаниях Фрейда и темой переписки Фрейд-Юнг (Freud-Jung Letters, 1974; далее будут обозначаться как FJL). В 1977 году Карло Тромбетто, биограф Эдуарда Клапареде, сторонника Фрейда в Женеве, рассказал юнгианцу Алдо Каротенуто о немецких дневниках и письмах Шпильрейн, которые он обнаружил в Женеве. В 1980 году Каротенуто опубликовал их на итальянском в книге «Diario di una Segreta Simmetria — Sabina Spielrein tra Jung e Freud» («Дневник секретной симметрии (SS) между J и F»), переведенную на английский в 1982 году; затем последовала скорректированная немецкая версия 1986 года, которая включала ранее не публиковавшиеся письма Юнга к Шпильрейн. Работа Каротенуто положила начало многотомной вторичной литературе до Керра включительно.

¹ Цви Лотан – известный американский психоаналитик и историк психоаналитического движения, доктор медицины, профессор психиатрии Медицинской школы при Нью-Йоркском Университете, член Международной Психоаналитической Ассоциации и Американской Академии Психоанализа (Нью-Йорк).

² Материал впервые опубликован в «Вестнике Психоанализа», №2 за 2000 год. Перепечатан в сб. «Сабина Николаевна Шпильрейн: над временем и судьбой» (Ростов-на-Дону: «Мини-Тайп», 2004) с любезного разрешения профессора М.М. Решетникова.

На новую территорию в 1993-1994 гг. вторглась публикация Бернарда Миндера больничной карты Шпильрейн и других документов. Также в 1994 году была защищена немецкая докторская диссертация Факенхут и Виллке в Ганновере, которая включала в себя дополнительные неопубликованные русские (в немецком переводе) и немецкие дневники и письма Шпильрейн. Документы, опубликованные в 1994 году, проливают новый свет на саму историю и на разгоревшиеся вокруг нее споры. Они указывают на необходимость отличить факты, как они представлены в письменных утверждениях, оставленных протагонистами, от различных интерпретаций таких фактов и переоценить утверждение, что Каротенуто и Керр «реконструировали отношения Юнг-Шпильрейн достаточно детально», предлагая новые инсайты в свете информации, представленной здесь и подкрепленной дополнительными неопубликованными документами, которые я исследовал в архиве Клапареде в Женеве. Новые данные предлагают более точный и внимательный взгляд на эти отношения.

Рассматриваемый период с 1904 по 1911 год может быть разделен на 4 фазы: 1904-1905 — лечение в госпитале; 1905-1908 — углубляющаяся дружба; 1909-1910 — эротически-чувственные отношения; 1911 и далее — эпилог.

Лечение в госпитале (1904-1905)

1904

17 августа 1904 года 19-летняя Сабина Шпильрейн, приехавшая в Цюрих со своей матерью из Ростова-на-Дону, была переведена из частного психиатрического госпиталя в кантональную лечебницу Бургхольцли, возглавляемую Евгением Блейлером. Она стала пациенткой Юнга, была диагностирована как страдающая от истерии, и Юнг «анализировал клиническое состояние почти полностью с помощью метода [Фрейда] с благоприятным результатом». Юнг тогда «жил с женой и двумя детьми в квартире в главном здании Бургхольцли» (прим. редактора FJL, С. 4). Согласно Миндеру, Шпильрейн была не обычной пациенткой, у нее был особый статус: ее освобождали от физических обследований, и Юнг пригласил ее участвовать в своих знаменитых ассоциативных экспериментах не только как субъекта, но и как ассистентку. Таким образом, с самого начала между Юнгом и Шпильрейн установились крепкие профессиональные и личные связи, что отражается в последовавших записях больничной карты.

В конце 1904 года Юнг хорошо справляется с поведением Шпильрейн в палате: «как ребенок она часто проказничает и шалит», отмечает Юнг; далее, «в ответ на малейший намек на недостаток уважения или доверия [со стороны персонала] она немедленно мстит, что проявляется в форме тотального негативистского поведения и в серии больших или меньших дьявольских трюков»; «детские шалости (суицидальные жесты, предпринимаемые с целью свести с ума медсестер...), умоляет автора [Юнга] не теряться, а всегда проявлять выносливость и твердую веру в то, что она поправится, поскольку это и есть единственный способ добиться улучшения».

1905

8 января Юнг отмечает:

«значительное ухудшение... Ровно год назад под Новый год дома был большой скандал (гневная сцена с отцом). В этой связи долгие серии похожих сцен и наконец сцены избиения отцом, пересказываемые с сильными эмоциями: когда ей было уже 13 лет, отец угрожал избить ее; привел ее в комнату, приказал ей лечь; она вежливо просила не бить ее (он уже собирался задрать ей платье сзади), и он согласился, но вынудил ее стоя на коленях поцеловать портрет бабушки и поклясться всегда хорошо себя вести... В конце трехчасового анализа оказалось, что в связи с этими побоями уже в возрасте 4-х лет она переживала сексуальное возбуждение... Она

утверждает, что иногда достаточно, чтобы кто-нибудь посмеялся над ней, что для нее символизирует подчиненность, чтобы вызвать у нее оргазм».

29 января 1905 года Юнг записывает в карте: «значительные улучшения со времени последних абреакций». 17 апреля 1905 года она, продолжая жить в Бургхольцли, подает документы на медицинский факультет университета Цюриха. Накануне первого дня в университете Шпильрейн в своем русском дневнике описывает эмоции в предвкушении этого «счастливого момента» как «убийственно зловещие»; ее голова «разрывается от тошноты и слабости» (запись от 24 мая 1905 года). 25 апреля она чувствует себя подавленной впечатлениями первого дня учебы:

«Я горела интересом, а теперь у меня противоположное чувство, которое меня давит! Я чувствую изоляцию от других студентов... Невозможно открыться этим детям. Я чувствую себя более старательной, серьезной, критически настроенной, независимой... [Буду] ли я способна к научной работе?... Для меня жизнь без науки бессмысленна. Что остается мне, если не наука? Выйти замуж? Но эта мысль наполняет меня ужасом: временами сердце мое болит от нежности, любви; но это лишь обманчивая преходящая видимость, за которой скрывается самая жалкая проза. Ценой будет подчинение личности... Нет! Я не хочу такой любви: я хочу хорошего друга, которому я могу раскрыть душу; я хочу любви старшего мужчины, чтобы он любил меня так, как родители любят и понимают своего ребенка (духовное родство). Но мои родители — они не такие — Если бы я только была таким мудрым человеком, как мой Юнга! [Нежная русская форма от “Юнг”]... И как глупо, что я не мужчина: мужчинам легче все дается. Это позор, что все в жизни происходит, как им хочется. Я не хочу быть работой!»

Согласно записям медицинского факультета Университета Цюриха, Шпильрейн подала документы 17 апреля 1905 года, а 27 апреля предоставила в приемную комиссию требуемый медицинский сертификат:

«27.IV.1905.

Медицинский сертификат

Мисс Сабина Шпильрейн из Ростова-на-Дону, проживающая в данном госпитале и намеревающаяся поступить во время летнего семестра на медицинский факультет, не является душевнобольной [т.е. психотиком]. Она принята сюда для лечения невроза с истерическими симптомами. У нас нет возражений против того, чтобы рекомендовать ее к поступлению.

Директорат: Блейлер».

Важно отметить, что хотя Блейлер подтвердил поставленный Юнгом диагноз истерии, тремя годами позже Юнг произвольно изменил его на истерический психоз, тогда как Каротенуто, заходя дальше Юнга, неверно диагностировал Шпильрейн как шизофреничку; оба этих взгляда более не считаются обоснованными. Она была выписана 1 июня 1905 года и переехала в пансион в даунтауне Цюриха.

Бывшая пациентка, а ныне полная энтузиазма студентка медицинского факультета, Шпильрейн продолжает описывать в своем русском дневнике свои опыты и триумфы по мере продвижения учебы и по мере того, как она растет эмоционально и интеллектуально, и как углубляется ее дружба с Юнгом:

«Дорогая мамочка,

я несколько устала, но полностью удовлетворена. Я необычайно счастлива, как никогда прежде в своей жизни. В то же время это ранит меня, и я хочу плакать от счастья. Ты, возможно, догадалась, что причина всего этого — Юнг. Я навещала его сегодня. Он успокоил меня насчет Реми [пациентка Бургхольцли, которой занималась Шпильрейн]; он сказал, что, по его мнению, ее состояние значительно улучшилось, и посоветовал мне не просить вернуть деньги, которые я потратила на нее, но попросить об этом благотворительное общество; с другой стороны, общество может использовать эти деньги, чтобы помочь другому человеку и т.д. в том же духе. Мы перешли к этой теме после того, как Юнг сказал, что мне не следовало бы носить дырявую шляпу, и что мне также следовало бы починить туфли. Я ответила, что у меня не осталось денег, но я уже получила так много, что о большем просить родителей не могу. Тогда он вынудил меня рассказать ему, на что я потратила деньги. Затем он сделал

предложение одолжить мне 100 франков и написать тебе об этом. Но я стала отчаянно возражать, и тогда он вынудил меня принять от него 10 франков на шляпу и починку туфель. Как тебе это нравится? Мне было настолько стыдно, что хотелось провалиться сквозь землю, но этого человека невозможно переспорить. С другой стороны, мне было приятно, что он совершил хороший поступок, и я не хотела мешать его усилиям. Не говори ему об этом не слова. Странно, как это приятно, быть объектом его “благотворительного влияния” и позволять ему тратить на меня деньги. Естественно, я скоро верну ему деньги, но он еще об этом не знает. Вот, ты можешь видеть, что это за человек, мой Юнга. Когда я вышла сегодня от Профессора [Блейлер], я чувствовала себя приговоренной к смерти, но он [Юнг] вернул мне веру в свои способности и сделал меня такой счастливой! Он собирается прийти ко мне в пятницу (1-го сентября) в 3 часа. Если бы я только до этого времени смогла научиться готовить борщ! Сегодня Юнг и я совершали обход нашего госпиталя. Для многих женщин там я была объектом восхищения! Но меня одолевает сонливость, и я иду в кровать. Я была так возбуждена, что забыла передать ему твои извинения насчет посланного ему подарка; но не забыла рассказать ему, как я напугалась, когда представила письмо Реми ко мне как его письмо, и он сказал, что я не должна тебя так мучить...».

Таково сердце девушки, или, как говорит Шпильрейн, такова «психология так называемых скромных девушек, к каковой категории я также принадлежу»; и таков ее трансфер на доктора Юнга, который ведет себя как преподаватель медицинского факультета, учитель и охранник *in loco parentis*.

25 сентября 1905 года Юнг пишет «Доклад о фройляйн Шпильрейн профессору Фрейду в Вену, отправляемый фрау Шпильрейн для возможного использования». Его завершает такое заключение:

«В процессе лечения пациентка *имела несчастье в меня влюбиться (курсив мой. — З.Л.)*. Она продолжает бурно рассказывать матери об этой любви, и тайная злобная радость от того, что она пугает мать — не последний из ее мотивов. Поэтому ее мать может предпочесть при необходимости направить ее к другому доктору, с чем я, естественно, соглашусь».

Похоже, главной целью доклада было успокоить мадам Шпильрейн, у которой были собственные отношения с Юнгом. В любом случае, доклад так и не попал к Фрейду, но идея была заброшена в сознание матери и дочери и материализовалась в 1909 году, когда при совсем иных обстоятельствах была проведена консультация у Фрейда.

Как это изображает сама Шпильрейн, ее лечение у Юнга закончилось выпиской из госпиталя в 1905 году, как она утверждает в своем письме от 11 июня 1909 года Фрейду: «4,5 года назад доктор Юнг был моим доктором, затем он стал моим другом и наконец моим “поэтом”, т.е. возлюбленным. Наконец он пришел ко мне, и все стало происходить так, как это бывает в “поэзии”». Как и другие, испытавшие влияние Каротенуто, я также сперва поверил, что «поэзия» — эвфемизм для обозначения «физического акта обладания», или полового акта. Если это даже произошло, в чем я сомневаюсь, невероятно, чтобы это свершилось в Бургхольцли. Даже Габбард и Лестер (1995), которые считают отношения Юнг-Шпильрейн нарушением границ, «совершенно лишены границ отношениями, характеризовавшими годы, *последовавшие за окончанием анализа» (курсив мой)*, предполагают, что «бурный любовный роман» произошел уже после завершения формальных отношений «доктор-пациентка».

Углубление дружбы (1906 – 1908)

Именно Юнг создал впечатление, что он продолжал лечить Шпильрейн после выписки из Бургхольци и сочетал эту заботу с дружбой. Переписка между Фрейдом и Юнгом началась в 1906 году и во втором письме (23 октября 1906 года) Юнг впервые анонимно упоминает Шпильрейн: «Я лечу сейчас вашим методом истеричку. Трудный случай, 20-летняя русская студентка, больна в течение 6 лет» (FJL, С. 7). Никаких деталей о месте, частоте и других аспектах лечения; жалоба на сложность случая неясна: в чем заключаются эти сложности

сейчас? В записях в дневнике Шпильрейн, предшествующих или следующих за этим письмом, никаких намеков на это нет. Три года спустя, 7 марта 1909 года, Юнг упомянет Шпильрейн как «пациентку, которую *многие годы назад* я вытащил из очень тяжелого невроза, приложив массу усилий [и которая] разрушила мое доверие и дружбу самым унижительным образом, который только можно представить. Она устроила гнусный скандал по той единственной причине, что я отказал себе в удовольствии сделать ей ребенка. Я всегда вел себя по отношению к ней как джентльмен... Я однако не чувствую себя полностью чистым, и это ранит меня больше всего, потому что намерения мои всегда были достойными... Тем не менее, я усвоил непередаваемое количество супружеской мудрости, поскольку до сих пор у меня, несмотря на весь мой самоанализ, было неадекватное представление о моих полигамных компонентах» (FJL, С. 207, *курсив мой*).

Отметим, что Юнг говорит о Шпильрейн как о своей прошлой пациентке, которая сейчас требует сделать ей ребенка.

Юнг признает два мотива продолжения своих неограниченных усилий, направленных на благо ценимой им бывшей пациентки, как утверждает в письме от 4 июня 1909 года: 1) «Она была опубликована в сокращенной форме [в 1908 году] в моей лекции о благословенной памяти в Амстердаме»; 2) «Es war mein psychoanalytischer Schulfall sozusagen, weshalb ich ihr eine besondere Dankbarkeit und Affektion bewahrte» — «это был, так сказать, мой *психоаналитический* учебный случай, поэтому я и предоставил ей свою особую признательность и привязанность» (*курсив мой*; сравните с FJL, С. 228: «Она была, так сказать, моим пробным случаем, поэтому я вспоминаю ее с особой признательностью и нежностью» — пропущено «психоаналитическим»). Более того, Юнг рационализировал свои жертвенные усилия во благо Шпильрейн:

«Поскольку я знал из опыта, что если я лишу ее своей поддержки, у нее немедленно наступит рецидив, я растягивал отношения на годы и наконец обнаружил, что чувствую себя морально обязанным посвящать ей значительную степень своей дружбы, прежде чем не увидел, что начинает поворачиваться какое-то непредусмотренное колесо, из-за чего я наконец порвал с ней... Едва ли есть необходимость говорить, что я совершил чистый разрыв. Как и [Отто] Гросс, она представляет собой случай борьбы с отцом, который во имя всего наилучшего я пытался лечить *gratissime* (!) с необыкновенным терпением, даже злоупотребляя с этой целью нашей дружбой. Естественно, в довершение всего и к сожалению, ее комплекс стал огромным препятствием»

Действительно, Юнг не получал платы за анализ, но мать Шпильрейн, посещавшая свою дочь в Цюрихе, дарил ему подарки, что описано в письме матери. И Юнг не совершил чистый разрыв: он смешивал дружбу с непонятной бесплатной терапией. Это представляет собой такую же серьезную этическую дилемму, как и смесь текущей терапии с сексуальными отношениями.

Я ранее неверно понимал письма Блейлера к Шпильрейн как свидетельство платы Шпильрейн в Бургхольци за *лечение вне госпиталя* в 1909 году. На самом деле, эти платежи не имели никакого отношения к терапии. Миндер подтвердил (личная беседа), что он также ошибался, когда писал, что Шпильрейн «оставалась пациенткой Юнга за пределами госпиталя до 1909 года».

1906

В другом письме Юнгу, скопированном в ее немецкий дневник того года, Шпильрейн полна благодарности, поскольку письмо Юнга «как бы глупо это ни звучало, заставило меня почувствовать на 20 тыс. тонн легче»; она также выражает восхищение «колоссальным интеллектом и характером» Юнга и его

«лекцией, которая была великолепной (не только в научном, но также в этическом смысле). Как вы смогли создать столько энтузиазма и чувства — как это возможно? *Вы наделены замечательным потенциалом энергии, и вы можете достичь гораздо большего, чем делаете.* — Если бы вы только знали, как вы прекрасны с этической стороны (когда вы

относитесь к пациентам с такой заботой и любовью)! ... Я была полностью трансформирована, стала мягкой и теплой по отношению к людям. Даже хотя я пришла домой в слезах, я была спокойна, и решение мое было твердым — человеку не нужно больше ничего, все это идет от “поэзии” (*курсив мой*)... Я так сильно люблю вас, и возможно поэтому я представляю, что что-то не так (или может быть так и есть?) (например, что вы презираете меня, что вы не хотите, чтобы я вас преследовала и т.д.). Каждый раз это вызывает у меня эмоциональные бури и мучения... Поэтому я хотела бы оставить Цюрих, по крайней мере на три года, но я не нашла лучшего университета... Что вы думаете? Должна ли я пытаться оставить вас на три года?» (Немецкий дневник, 29.8.06).

Эта поэзия, по контрасту с вышеупомянутой печальной прозой, еще не имеет характера любящих и чувственных, эротических, экстатических отношений, которые будут в 1909 году, но скорее характер восхищения — любви, включающей в себя обожание героя — учителем и суррогатом родителя со стороны воодушевленной, в высшей степени интеллигентной и чрезвычайно идеализирующей девушки. Даже если допустить, что это подпитывается эротическими течениями, никакое эротическое пересечение границ здесь не различимо. В том же письме она также признается Юнгу, что

«последнее время моя совесть была нечиста, поскольку я все время была в состоянии немого отчаяния и от постоянной учебы голова моя стала совсем пустой. Я не делала ничего, кроме того, что устраивала скандалы, меня душили злобные фантазии и я разыгрывала самые дикие антисоциальные трюки (когда говорят о скандалах, это ощущается как маленькое животное, которое сидит у человека сзади слева на спине). В конце я принесла в госпиталь маленький шприц и KCN [potassium cyanide] и брызгала на каждого, кто говорил со мной. KCN был только для эффекта, поскольку в шприце была вода».

Это описание могло напомнить Юнгу поведение Шпильрейн во время госпитализации.

В двух последовавших записях Шпильрейн утверждает, что «никогда не встречала человека, в котором интеллект (даже отличающийся от вашего) соединился бы с такой моральной силой, характером и идеализмом» и «поскольку его [Юнга] письма приносят ей столько радости, пусть он продолжает писать ей, даже если она не отвечает», поскольку его письма «время от времени стимулируют лучшую часть ее личности, так что в моменты слабости я могу думать о вас и становлюсь сильнее». Затем студентка-медик Шпильрейн переходит к длительному исследованию различных философских концепций, включая представление философа Эрнста Маха об ощущениях и биолога Августа Вейсмана о бессмертии одноклеточных организмов.

1907

В письме Фрейду от 6 июля Юнг искажает цитируемое Шпильрейн русское стихотворение, придавая ему чрезвычайно чувственное звучание:

«истерическая пациентка рассказала мне стихотворение... о заключенном... [который] открывает клетку и позволяет улететь своей любимой птице... Она признает, что в действительности ее величайшее желание заключается в том, чтобы иметь от меня ребенка, который исполнит ее невыполненные желания. С этой целью я, естественно, сперва должен “выпустить птичку”» (FJL, С. 72).

Неясно, когда Шпильрейн рассказала поэму, но Юнг говорит о том, что она все еще является его пациенткой, не давая, однако, дальнейших деталей. Однако Юнг упускает реальное глубокое материнское желание ребенка у молодой женщины — ее и его ребенка «Зигфрида» — и трансферную природу этого желания. Он не признает и то, что по уши увяз в дружеских отношениях со своей бывшей пациенткой.

15.5.1908 г. Шпильрейн сдала предварительные экзамены на медицинском факультете и в августе уехала на долгожданные каникулы с семьей в Ростов-на-Дону. Германское издание Каротенуто содержит 11 писем от Юнга к Шпильрейн и их фрагменты, написанные в 1908 году, опубликованные там впервые и цитируемые здесь в моем переводе. В этих письмах Юнг назначает встречи со Шпильрейн (последняя 22.VII.1908), подписывается как «ваш друг» и говорит о своих чувствах к ней. От 20 июня 1908 года: «Сколь велико будет мое счастье обнаружить в вас человека в *esprit fort*, не поддающегося сентиментальности, чей глубинный жизненный стержень — собственная свобода и независимость». От 12 августа 1908 года:

«Ваше письмо принесло мне счастье и спокойствие. Я был несколько обеспокоен вашим долгим молчанием... Я должен выразить свое восхищение выдающимися личностями ваших родителей... Согласно вашему письму, все хорошо и замечательно; я радуюсь вашему счастью. Если так, ваш визит в Россию, которого вы так долго боялись, пройдет гораздо легче. Мое же настроение меняется подобно вулкану, только что все было золотым и вдруг стало серым. Ваше письмо было как пробивающийся сквозь облака солнечный луч».

Следующее, ранее не публиковавшееся письмо Юнга, представлено здесь впервые; его датировка неясна: 27.VIII.1908, но почтовый штамп от 19.8.1908. Дата не может быть 27.VII.08, поскольку в то время Шпильрейн была все еще в Цюрихе. Оно адресовано:

«Freulein stud.med. Sabina Spielrein

pr.adr. Herrn N. Spielrein

Rostow o/Don

Russland

Русский почтовый штамп: Ростов-на-Дону 19.8.08

(место неразборчиво) 27.8.1908.

Моя дорогая!

Я только что получил ваше дружественное письмо, и у меня сложилось впечатление, что вам не вполне хорошо в Ростове. Я понимаю. Я благодарен вам за хорошие и добрые слова. Я снова вполне спокоен. Отпуск существенно успокоил мои нервы. Каждый день я долго гулял в горах, по большей части один. Это принесло мне много пользы. Все комплексы разрешаются наилучшим образом, и вновь можно ясно видеть. Примите заверения в глубочайшей дружбе вместе с сердечным пожеланием, чтобы ваша жизнь была успешной, и чтобы как можно меньше было бессмысленных целей и связанной с ними боли. Никогда не теряйте надежду на то, что работа, сделанная с любовью, приведет к хорошему результату. Я сегодня могу писать лишь краткое письмо, поскольку я только что вернулся домой усталый, после долгой прогулки. Пожалуйста, продолжайте писать мне в Бургхольцли. С сердечной любовью, ваш J[ung].

По контрасту с вышеупомянутым письмом Фрейду от 6 июля 1907 года выражение «работа, сделанная с любовью» явно означает не сексуальную любовь, но любящие отношения взаимного уважения, дружбы и симпатии, это послание от одного душевного товарища другому, проявление психологического и духовного единства. Юнг страдает эмоционально, и его напряжение заметно. Он также намекает Шпильрейн, что ее мечта о жизни с ним никогда не может быть исполнена. Была ли Шпильрейн все еще в лечении у Юнга, или они были друзьями, двусмысленно смешивая симпатию и своего рода поддерживающую терапию?

Следующее русское письмо без даты, посланное из Ростова мадам Шпильрейн своей дочери, могло быть написано в 1908 году после письма Юнга от 27 августа 1908 года, поскольку в нем упоминается отъезд дочери и письмо Юнга к ней:

«Ростов, 1.9.(?)1908

Дорогая Сабиночка!

Я места себе не нахожу после твоего отъезда и не знаю, куда писать. Я не могла ни на секунду отдохнуть и занималась уборкой комнат, чтобы у меня не оставалось времени думать о себе. Ночью я думала о тебе и о нем и, потеряв всю надежду получить новости, когда страдания

мои достигли предела, я неожиданно получила адресованное тебе письмо. Я была так расстроена, что не могла прочитать ни слова. Я тысячу раз прошу тебя простить меня за то, что я открыла письмо, но я открыла его потому, что в любом случае ты дала бы мне его прочитать, и я должна была знать, что в нем, поскольку от этого зависело все мое настроение. Его письмо успокоило меня. Оно выражает глубокую дружбу, слегка окрашенную чем-то еще, что вполне естественно. Он часто думает о тебе, о холере [эпидемия], о твоей душе. Возможно, его мучает конфликт, и его совет с тобой и с самим собой направлен на то, чтобы не позволять чувству любви расти, но подавить его, хотя и не убивая полностью. Правильно ли я это поняла? Он, если сможет это сделать, будет победителем, а иначе будет в дураках. Я уверена, что он будет победителем. Он пишет, что это необходимо во благо любимых им детей, т.е. жены и детей. А что насчет тебя? Или я неправильно это поняла? В любом случае, мне очень понравился тон его письма, в особенности границы, которые он между вами устанавливает. Мне кажется, что не может быть ничего лучшего. Ты нашла в нем человека, преданного тебе, не лишённого любви к тебе (большее *недопустимо*, и тебе следует удовлетвориться этим), человека, к которому ты чувствуешь глубокое уважение и признательность, и что еще тебе нужно? Ты должна быть счастлива, поскольку это больше, чем ты могла бы желать. Если бы ты хотела заставить его развестись с женой, то это было бы другое дело. Но если нет, тебе не следует заходить дальше. Важно понять, что его взять можно, но это того не стоит. Ничего лучшего, чем сейчас, у тебя не будет. Не мучай себя, подави свои чувства так, чтобы они не причиняли тебе страданий, и продолжай встречаться с ним как с другом. Он тоже нуждается в тебе, но он не страдает, напротив, ему становится лучше. Пожалуйста, пожалуйста, не говори ему, что я открыла письмо. Что касается варенья, скажи ему, что ты привезла для него фрукты, но больше привезти не смогла. Сними шикарную квартиру, пригласи его и напиши мне во всех деталях. Можешь говорить с ним о любви, но оставайся неприступной, ты от этого лишь выиграешь. До поры не прячь своих чувств...» (оригинал предоставил Идефилм, Стокгольм).

Определяющим качеством их отношений в то время была взаимная дружеская поддержка, окрашенная, как верно заметила благодаря своей интуиции ее мать, эротическими чувствами и фантазиями. Этот взгляд также выражался в письме Шпильрейн Фрейду от 13 июня 1909 года, где она мимоходом упоминает, что она знала, что Юнгу нравится Фрейд «1,5 или 2 года назад, когда между нами [т.е. между ней и Юнгом] еще не стоял вопрос о близких эротических отношениях», т.е. в 1908 году, когда было послано неопубликованное письмо Юнга от 27 августа 1908 года.

Вернемся теперь к неопубликованному русскому письму с необозначенной датой от Шпильрейн к ее матери, посланному из Цюриха в Ростов. Возможно, его следует датировать концом 1908 года, поскольку в нем Шпильрейн цитирует статью, недавно завершённую Юнгом и упомянутую в его письме от 27 ноября 1908 года: «Моя жена скоро родит... Материал для первого номера [Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen] уже завершён: 1)...5) я: “Значение отца в судьбе индивида”» (FJL, С. 179). Изумительно, как выросла Шпильрейн с 1905 года:

«Милая мамочка,

Я не могу писать потому, что все равно в письме ничего не передашь: слишком много надо было бы говорить — к сожалению, Ростов слишком далеко от Цюриха — писем его я тебе не могу переслать: оно все-таки рискованно, ну а рассказывать слишком долго и слишком утомительно.

Если бы у меня было какое-нибудь твердое решение, я бы жила в волшебном царстве, а так я устаю думать, да и смысла в том никакого нет, потому что: “*ducunt volentem Dei, nolentem trahunt*”, что значит — “желающего ведут Боги, а нежелающего тащут” [в действительности у Сенеки младшего: *ducunt volentem fata (= fates), nolentem trahunt*]. Недавно только Юнга окончил свою работу “Über die Rolle des Vaters im Schicksale [sic] des Einzelnen”, он показывает, как выбор будущего объекта любви детерминирован в первых годах детских отношений к родителям. Что я люблю, так же прочно детерминировано, как и то, что он меня любит. Он для меня отец, я для него мать или, вернее, та женщина, которая ему в первое время

заменяла мать (мать его заболела истерией, когда ему было 2 года) и он так страстно привязался к этой женщине, что когда ее не было, видел ее в галлюцинациях etc etc. Почему он полюбил свою жену, я не знаю... Очевидно, жена его, скажем, “не вполне” [дает] удовлетворение, и он меня полюбил, меня, истеричку; ну а я полюбила психопата, и надо ли объяснять почему? Своего отца я никогда нормальным не видела. Его лихорадочное стремление “познать самого себя” как нельзя лучше выражено в Юнге, для которого его научная деятельность стоит выше всего на свете... Неровный динамический характер и вместе с тем высшая чувствительность, потребность страдать и сострадать “ad magnum” [в полном объеме]. С ним любовью и лаской все можно сделать, и чего еще нужно, если он два раза подряд у меня расчувствовался, что прямо слезы так и лились! Если бы ты за стенкой слушала, как он заботится обо мне и о моей судьбе, ты бы плакала от умиления. И тут начинаются бесконечные упреки по адресу своей милости вроде того, что я нечто святое для него, что он готов вымолить прощение, etc. Я не могу приводить фразу... оно немного сентиментально, но ты можешь себе очень хорошо представить. Вспомни, как папенька извинялся перед тобой, точь в точь! Мне неприятно приводить те обвинения, которые он пускал по своему адресу, потому что мы оба одинаково виноваты или не виноваты — ведь сколько уже пациенток прошло через его руки, и каждая из них непременно влюблялась в него, однако он кругом мог оставаться только врачом, потому что он не любил! Да ты ведь знаешь, как отчаянно он боролся со своим чувством! Ну что тут можно было бы сделать? Он много ночей промучился, думая обо мне. Вопрос о том, чтобы нам расстаться, был также рассмотрен, но этот номер не прошел уже потому, что мы оба остаемся в Цюрихе. И если он, считая себя ответственным за мою судьбу, хотя и ревел, произнося эти слова, но готов был отречься от всего, чтобы не препятствовать моему счастью, то надо было раньше сообразить, где это самое счастье... и что он пока имел основания бояться за мое ближайшее будущее (в случае, если бы мы расстались). Этот разговор происходил почти две недели тому назад — мы оба прямо извелись, так [что] не в состоянии были произнести ни одного слова etc. Кончилось объяснение “Ducunt volentem Dei, nolentem trahunt”. Мы замерли в самой нежной поэзии...

“Пусть будет завтра и мрак, и холод, сегодня сердце отдам лучу! Я буду молод! Я буду весел! Я буду счастлив. Я так хочу!” [последние четыре предложения грамматически мужского рода, как если бы они изображали настроение Юнга]. — За сим я получила открытку и письмо в один день, чтобы я не грустила, прошлую пятницу, т.е. позавчера он опять был у меня. Опять поэзия и опять поехало: прощу ли я ему когда-нибудь в жизни то, что он со мной устроил; он ночь не спал, измучился; он не в состоянии бороться. Ведь я с таким же правом [могу] сказать, простит ли он мне то, что я с ним сделала! Разница только в том, что я знаю, что для него научная деятельность выше всего в жизни и что он все сможет перенести для науки. Ну и снова пролетает 2 часа почти безмолвного блаженства.

Я сказала, что на эту историю, о которой все время раньше шла речь, я не пойду — противостоять я всегда могу. Вопрос только в том, как мой интеллект относится ко всей [этой] истории, и вся беда в том, что интеллект не знает, как ему отнестись. Тебе, конечно, не о нем и его семье, а обо мне писать надо, и тут является вопрос: не отдаться ли всем существом своим бурному водовороту жизни и быть счастливой, пока солнце светит, и тогда, как наступят черные дни разлуки, переложить свое чувство на ребенка и на науку, т.е. на научную деятельность, которую я так люблю? Во-первых, кто его знает, что из этой истории выйдет? “Судьбы Господни неисповедимы!”. А за сим: новая молодежь смотрит на все эти вещи иначе и потому оно очень возможно, что я второй [раз] полюблю и буду иметь успехи, т.е. вступлю в законный брак - ты только не забудь, что этот вопрос еще вопрос далекого будущего и не волнуйся поэтому. — *Пока мы стоим на той ступени поэзии, которая не опасна, и на этой ступени еще дале будем стоять, может, до тех пор, пока я не стану доктором, если обстоятельства не изменятся.*

Пишу я теперь только потому, что я не могу чувствовать себя счастливой без благословения матери, т.е. без того, чтобы ты одобрила мой образ действий и радовалась тому, что мне пока хорошо. А потом? Мы в самом лучшем случае не можем сказать того, что будет

потом, и где ждет нас счастье. Вот хотя бы свежий пример. Одна пациентка Юнга, желая избавиться от любви к нему, поехала в горы и там увлеклась одним молодым человеком в половом смысле так, что у нее теперь скоро ребенок от него будет. Дед, обольстивший ее, оказался самой мелкой личностью и, конечно, бросил ее сейчас же. Она его теперь терпеть не может и в отчаянии хотела покончить с собой, что она и сделала бы [если] Юнга не спас ее вторично...» (Шпильрейн, русский оригинал, *курсив мой*).

Можем ли мы принять это письмо буквально или же должны подозревать, что Шпильрейн лицемерит и прячет от матери «истинную правду»? В этом письме матери «поэзия» предполагает объятия нежности и дает нам возможность увидеть сильную принципиальную женщину, которая за три года, прошедшие с 1905 года, стала старше своих 23-х лет, способна к прозорливости в отношении себя самой и своего друга. Она также говорит, что они с Юнгом не перешли границ, отделяющих симпатию и нежную любовь от сексуальной связи.

В письме Юнга от 4 декабря 1908 звучат душераздирающие нотки:

«Я очень сожалею о своей слабости и браню ожидающую меня судьбу... Вы будете смеяться, когда я позже скажу вам, что меня *затопили ранние детские воспоминания (выделено Юнгом)*... Простите ли вы меня когда-нибудь за то, что я тот, кто я есть? Что я этим обижаю вас и забываю свой долг врача в отношении вас? ... Мне не повезло в том, что я не могу жить без радостного присутствия бурной переменчивой любви в моей жизни. После недавней сцены я полностью утратил чувство безопасности в отношении вас... Мне нужны определенные соглашения, чтобы мне не приходилось беспокоиться о ваших намерениях. Иначе пострадает моя работа, а это кажется мне более важным, чем сиюминутные проблемы и страдания настоящего. Верните мне сейчас ту любовь, терпение и отсутствие эгоизма, которые я мог вам давать во время вашей болезни. Сейчас я сам болен...».

Роли обращены: от бывшей пациентки требуют, чтобы она вела себя как терапевт.

Эротически-чувственные отношения (1909 – 1910)

Мы не знаем, что такого сделала Шпильрейн в 1909 году, что было бы настолько иным, чтобы заставить Юнга чувствовать такую угрозу, что он решил обратиться к Фрейдю 7 марта 1909 года с сообщением о ее «гнусном скандале». Но ничего иного она не делала, как она пишет в следующем неопубликованном фрагменте письма к матери, описывая достаточно невинную встречу:

«Дорогая мамочка:

И правда, на этом свете случаются чудеса. Я ненамеренно загипнотизировала Юнга, ни больше, ни меньше. Как это произошло? Он пришел ко мне на 5 минут раньше, чем мы договорились. Стучит, и я отвечаю “Ja!” Он входит, и я чрезвычайно смущена, поскольку не ожидала, что это он, и стою с полураспущенными волосами и гребешком в руках. Было неудобно, я не готова была к приему. Он сел на кушетку и обещал не смотреть на меня, хотя я знала заранее, что “не смотреть” для него означает закрыть лицо руками и подглядывать сквозь пальцы. Мне пришлось справляться с этой ситуацией. — Я поспешила закончить одеваться, затенила лампу красным абажуром и подошла к нему. Мы поприветствовали друг друга... [как если бы] после долгой разлуки... Затем он, как всегда, пустился в долгие речи о том, что не спал всю ночь, думая обо мне и о том, что он хочет, чтобы я была всегда счастлива и т.д. ...Я сказала ему, что сейчас такие разговоры только мешают, что я в любом случае его люблю, и если однажды нам придется расстаться, так тому и быть, но сейчас я ни о чем не думаю, и мне хорошо. Затем он целует меня, восклицает “Was ist?”, и начинает светиться от счастья. Я для него мать, он для меня отец, это лучше всех возможных слов! Но лучше всего, что у него возникла идея сделать мне новую прическу: он вытащил из моей прически гребешок и распустил мои волосы, радуясь, что я стала похожа на египтянку (!) ...».

Колесо начало поворачиваться, когда жена Юнга послала анонимное письмо, а другое письмо пришло от матери Шпильрейн Юнгу, что подтолкнуло Юнга послать часто цитирующееся надменное письмо, возможно, в попытке предотвратить месть Шпильрейн. Как

предполагает Миндер, следует заметить, что Юнг в тот же день «подал заявление об увольнении из госпиталя [Бургхольцли], сопровождаемое письмом от Блейлера, на основании, что «он хотел бы в большей степени посвятить себя научной деятельности». Возможно, Юнг боялся осуждения Блейлера, если бы произошел «скандал».

В ответе на письмо, через два дня, 9 марта 1909 года Фрейд говорит:

«Я тоже получил плохие новости о пациентке, которая познакомила вас с невротической неблагодарностью отвергнутых женщин... Когда Мутманн [профрейдистский шведский психиатр] приехал ко мне, он говорил о женщине, представившейся ему вашей любовницей... Быть израненным и оклеветанным любовью, с которой мы работаем — таковы издержки нашего ремесла, от которого мы, конечно, не откажемся из-за них» (FJL, С. 210).

Но эта женщина была не Шпильрейн! Юнг в то же время продолжает обвинять Шпильрейн в том, что она

«конечно, систематически планировала мое соблазнение, что я считал неуместным. Сейчас она хочет мести. Недавно она распространила сплетню, что я скоро разведусь с женой и женюсь на одной из студенток, что вызвало волнение среди многих моих коллег. Что она планирует сейчас, мне не известно. Подозреваю, ничего хорошего, если только вы не повлияете как посредник» (FJL, С. 228-9).

Несправедливо обвиняя Шпильрейн, Юнг продолжает полностью отрицать свою вовлеченность и свои действия.

В письме от 30 мая 1909 года Шпильрейн просит Фрейда встретиться с ней, и Фрейд вступает в конфликт как умелый посредник. В письме от 18 июня 1909 года он заверяет своего друга, что предложил Шпильрейн более приемлемое эндопсихическое решение проблемы («eine würdigere, sozusagen andopsychische Erledigung der Sache»), где

«"эндопсихическое" означает для Шпильрейн, что она вообразила то, что в реальности не происходило, и что проистекает из ее собственной внутренней сумятицы и трансфера. Термин "эндопсихический" замечательно определяет Фрейд, когда он интерпретирует предрассудки и параноидные идеи как *«ничто иное, как проекцию психологии на внешний мир [т.е.] неясное распознавание (эндопсихическое восприятие [добавлено в 1907 году, Стрейчи]) психических факторов и соотношений в бессознательном»*.

Интересно, что в примечании к случаю Доры Фрейд привлекает понятие «эндопсихическое сопротивление» для объяснения того, что она забывает сновидения, также он использует понятия «эндопсихическое восприятие» и «эндопсихическая защита». Следующим важным моментом использования этого понятия был случай Шребера, где «эндопсихические восприятия... [являются] базисом для объяснения паранойи». Но кто же что воображал?

В том же году Шпильрейн цитирует в дневнике еще одно неопубликованное письмо Фрейду, достаточно трогательное по содержанию и тону. Неясно, было ли оно отправлено. На нем не проставлена дата, и оно адресовано «S. g. H. P.» (возможно, Sehr geehrter Herr Professor — дорогому профессору Фрейду). Она говорит, что это «последнее письмо, которое она так долго обещала, после того, как она получила два письма» от Фрейда, т.е. это должно быть в промежутке между вторым письмом Фрейда от 8 июня 1909 года и третьим от 24 июня, но уверенности в этом нет. Ниже следуют несколько отрывков:

«Почему сейчас? Вы впервые предстали в моем сновидении красивым. Несколько месяцев назад мне пришлось отказаться от желания написать вам, потому что в сновидении у вас были женские груди, вы были стары как профессор Форел и в придачу уродливы. Но вы были чрезвычайно хитрым. Мы пришли к вам с братом (доктором Юнгом); вы уделяли внимание брату, а не мне. Я признаю, что после получения двух первых ваших писем я была счастлива, что мое сновидение по природе своей не содержало верного суждения. О третьем история умалчивает.

Теперь о сегодняшнем сновидении. Я в больнице и слышу, как в соседней комнате вы разговариваете с доктором Юнгом. Должна ли я уйти, поскольку вы собираетесь войти в комнату, где я нахожусь? Нет, я продолжаю работать. Я даже, может быть, смогу посмеяться над вами обоими в конце. Вы входите, и я чувствую, что вы думаете обо мне: "И это та

красавица, которую он хочет считать равной моей дочери?” Я вижу себя в зеркале и чувствую стыд, потому что я вовсе не нахожу себя красивой. Я боюсь, что вы интерпретируете каждое мое движение как имеющее сексуальный смысл. Я чувствую себя онемевшей и проделываю несколько трюков. Все, что я знаю, это что доктор Юнг дружелюбен ко мне, но не к вам. Вскоре вы уходите в другую комнату. Я смотрю на ваше лицо и вижу, что оно молодое, симпатичное и необычайно привлекательное. Я чувствую себя больной, сердце и горло сводят спазмы, я вынуждена положить на голову компресс; почему он не слушает меня? Почему он так плохо думает обо мне? ...Вы можете видеть, как молодая женщина прорабатывает в глубине своей личности ваши письма. Во-первых, мое сновидение говорит мне, что сейчас лучшая часть вашей личности становится видимой (в этом отношении мое бессознательное никогда меня не обманывает), во-вторых, сновидение показывает мне, что я не безразлична к тому, что вы обо мне думаете; в своем возбуждении я забыла, что вы совсем меня не знаете, что вместо того, чтобы послать вам доказательства, я просто утверждала, что это так. Естественно, вы думаете, что все это моя фантазия и все, что с этим связано! ...

Вы можете показать это письмо доктору Юнгу... но не раскрывайте ему моего маленького опасения: когда он уверен, что в его честность верят, это становится мощной опорой для лучшей части его личности, в особенности если учитывать его склонность к гордости и такую лабильность аффектов... Я никоим образом не являюсь его врагом... Я воспринимаю его как моего взрослого ребенка, в которого вложила так много усилий, что сейчас он может жить независимо; если я говорю с вами о нем в такой манере, то это потому, что вы любите его: когда я решила вам написать, я еще не знала, что он уже все вам рассказал. Вы это точно знаете! ...

Я полностью соглашаюсь с теоремой, изложенной в “Значении отца в судьбе индивида”. Я лишь удивлена, что относительно недавно доктор Юнг хотел убедить меня, что я могу полюбить кого угодно другого так же, как его. Мне пришлось написать ему длинное послание (оно все еще хранится у меня), чтобы показать, что это неслучайно, что человек любит сходство в [любовном] объекте, что поэтому человек любит сперва собственную семью, а затем всегда обнаруживает сходство в любимом. Не правда ли забавно, что моя мать в третий раз хочет отнять у меня любимого? До доктора Юнга я была влюблена в двух мужчин (я была еще незрелой для любви). Им обоим я очень нравилась, но поскольку я была все еще ребенком, и первый и второй герой по уши влюбились в мою мать».

Некоторые комментаторы ранее рассматривали поведение и Юнга, и Фрейда в этой ситуации как не слишком честное. Но новые документы открыли путь для нового взгляда на письма Фрейда-Юнга, что привело меня к иному заключению. Не вступая в конфронтацию, в письме от 7 июня 1909 года Фрейд беспристрастно применяет понятие «эндопсихический» *qua* трансфер не только к Шпильрейн, но также к Юнгу, что подразумевает характеристику реакций Юнга на трансфер Шпильрейн как его собственного ответного зеркального трансфера, получившего имя контртрансфер:

«Такие переживания, хотя они и болезненны, необходимы, и их сложно избежать... Сам я никогда не попадал в столь скверный переплет, но несколько раз был к тому очень близок и *выбирался с трудом*... Но длительного вреда не нанесено. Они помогают нам выработать толстокожесть, в которой мы нуждаемся, и справляться с нашим «контртрансфером», который в конце концов представляет собой нашу постоянную проблему; они учат нас смещать наши аффекты ради лучших целей. Они представляют собой “*неприятность, оказавшуюся благодетельной*”» (FJL, С. 230-1, в оригинале по-английски).

Баррон и Хоффер (1994) полагают, что эпизод со Шпильрейн вдохновил Фрейда открыть контртрансфер. Возможно, Фрейд также в те дни мыслил как гипнотически-катарсический терапевт и вспоминал свой прежний опыт «личной эмоциональной связи между доктором и пациентом», к которой он вернется в 1925 году, когда пациентка, которую он лечил с помощью гипнотически-катарсического метода, «проснулась ... [и] обвила руками мою шею... Я был достаточно честен, чтобы не приписывать это событие моей непреодолимой личной привлекательности, и ... понял природу таинственного элемента, действовавшего в гипнозе».

Или же он думал о лечении Анны О. у Бройера и о том, как Бройер не смог понять эротический трансфер и контртрансфер? Или о уроках, которые он усвоил у Доры: «Я не преуспел в том, чтобы вовремя справиться с трансфером»; «Я был глух к первым ноткам предупреждения, думая, что у меня достаточно времени... трансфер застал меня врасплох»; и наконец, «Я обещал простить ее за то, что она лишила меня удовольствия предоставить ей гораздо более радикальное исцеление от ее проблем». Несомненно, у Фрейда были преимущества возраста и гораздо большего клинического опыта, и более того, как и в треугольнике с Анной О. и Бройером, он оставался отстраненным и объективным наблюдателем.

Интерпретация сработала, и внешние события стали разворачиваться благоприятно. 21 июня 1909 года Юнг смог сообщить Фрейду

«хорошие новости ... о моем деле Шпильрейн. Я видел все в слишком черном свете... она появилась у меня дома, и у нас состоялся *вполне приличный разговор*, во время которого оказалось, что сплетни обо мне исходили вовсе не от нее. *Мои идеи отношений*, вполне понятные при таких обстоятельствах, приписали эти сплетни ей. Я хотел бы признать свои ошибки. Более того, она сама наилучшим образом освободилась от трансфера и не испытала рецидива (за исключением пароксизма плача после расставания)... Не поддаваясь беспомощному раскаянию, я однако признаю совершенные мною грехи, поскольку винить следует главным образом меня... Естественно, в глубине скрывался Эрос. Итак, я отнес все другие желания и надежды полностью на счет своей пациентки, не разглядев те же вещи в себе самом... *Пойманный в сети иллюзии*, что я стал жертвой сексуальных хитростей пациентки... [и] в свете того факта, что пациентка *незадолго до того была моим другом* и располагала моим полным доверием, действия мои были полным мошенничеством, в чем я весьма неохотно сознаюсь вам как своему отцу. Я хотел бы попросить вас о большом одолжении: не могли бы вы... [сказать] ей, что я полностью информировал вас об этом деле и в особенности о моем письме ее родителям, о чем я больше всего сожалею... [Вы] и она знаете о моей «полной честности» [в оригинале по-английски]. Я много раз прошу у вас прощения за то, что по моей глупости вы втянулись в это запутанное дело» (FJL, С. 236-7, *курсив мой*).

Признание Юнгом собственного трансфера, *собственных* эндопсихических «идей об отношениях» сняло тяжкое бремя и с него, и со Шпильрейн. Вывод заключался в том, что не только Шпильрейн стала жертвой эндопсихических восприятий, защит и проекций, но и сам Юнг, и даже в большей степени, чем женщина: именно он под давлением страха, вины и стыда сфабриковал вымысел о том, что Шпильрейн устроила скандал. Но он перепутал Шпильрейн с другой женщиной: скандал был лишь в его собственной психике.

Реальный «скандал» начался с вмешательства матери Шпильрейн, как пишет ее дочь в дневнике 11 сентября 1910 года, что полностью соответствует описанию Юнга:

«Мы узнали друг друга, мы влюбились друг в друга, не замечая, что это произошло; было слишком поздно бежать; несколько раз мы сидели в “молчаливых объятиях”. Да, это было очень много! Затем вмешалась моя мать, возник конфликт между ней и ним, а затем между ним и мной. Я просто не могла порвать с ним при таких обстоятельствах. Через несколько месяцев, когда я почувствовала себя сильнее, я поймала его после лекции. Сперва он хотел убежать, потому что думал, что я его злейший враг, и, возможно, боялся скандала. Глупый ребенок. Я его успокоила, сказав, что я не хочу чего-либо с ним «начинать», что я пришла потому, что он мне очень дорог, потому, что я хочу видеть в нем чистого, благородного человека и поэтому хочу конфронтировать его с его ужасным поведением в отношении моей матери и меня. Его манеры сразу изменились; он продемонстрировал глубокое раскаяние и заговорил о злом человеке, рассказывавшем про нас сказки... Что ж, мы расстались как лучшие друзья».

10 июля 1909 года Юнг вновь смог сообщить Фрейду: «Я хочу поблагодарить вас за вашу великодушную помощь в деле Шпильрейн, которое получило удовлетворительное разрешение» (FJL, С. 240).

24 июня 1909 года Фрейд наконец объявляет случай закрытым, сделав в отношении Шпильрейн примирительный жест, полный галантности и почтения:

«Я сегодня кое-что узнал от самого доктора Юнга о теме вашего предполагавшегося визита ко мне, и теперь я вижу, что одну сторону дела угадал правильно, но другую сконструировал неверно, в ущерб вам. Поэтому я должен просить у вас прощения. Однако тот факт, что я был не прав, и в ошибке стоит винить мужчину, а не женщину, как признает и сам мой юный друг, удовлетворяет мою потребность высоко ценить женщин. Пожалуйста, примите это выражение моей глубокой симпатии к достойному способу, которым вы разрешили этот конфликт.

Искренне Ваш, Фрейд».

Запись позволяет предположить, что в 1909 году между Шпильрейн и Юнгом была «поэзия» — так Шпильрейн называла чувственное взаимодействие, такое как касание, пожатие рук, поцелуи, взгляды в глаза и романтические обмороки. Был ли публичный скандал? Нет. Страдал ли Юнг от его последствий? Нет. То, что Юнг принял за скандал, оказалось не больше, чем бурей в стакане. Еще один вывод: Шпильрейн не создала проблем в отношениях Фрейда и Юнга, поскольку их разрыв был следствием теоретических разногласий, касавшихся теории либидо, которые разыгрались на арене случая Шребера.

Интересно, что «поэзия» продолжалась еще некоторое время после того, как утихла буря. Мы можем верить, что Шпильрейн правдива в записи своего дневника, датированной 21 сентября 1909 года: «Дружба. Как это могло так внезапно измениться? Мать говорит, что я и мой друг не можем оставаться друзьями после того, как мы дали друг другу любовь. Мужчина не может долго сохранять отношения чистой дружбы. Если я ему нравлюсь, он захочет любви». Здесь любовь означает секс, но, очевидно, Шпильрейн все время внимательно относилась к предупреждениям матери. Спустя лишь два дня после того, как она решает «попросить забрать [свою] диссертацию у проф. Блейлера и послать ее [своему] другу... измена, которая постоянно [ее] мучает», она пишет в дневнике:

«Наиболее важным результатом нашей дискуссии [о диссертации] было то, что мы вновь друг друга безумно любим... Он становился все более и более неистовым. В конце разговора он несколько раз прижимал мои руки к своему сердцу и говорил, что это должно означать начало новой эры. Что он имел в виду?»

В конце 1909 года Шпильрейн рассматривает идею оставить Цюрих и переехать в Гейдельберг, что отражается в рекомендательном письме Блейлера 16 октября 1909 года, напечатанном на бланке Бургхольцли, и воспроизводящемся полностью впервые:

«Нижеподписавшиеся заверяют, что на протяжении последних двух месяцев фройляйн Сабина [sic] Шпильрейн работала в качестве медицинского служащего (приблизительный эквивалент немецкому "Famulus") в данном психиатрическом госпитале. Она несколько нервозна, но работала прилежно. Также я знаю, что у этой молодой женщины хорошая репутация, она в высшей степени умна и чрезвычайно интересуется наукой, и поэтому я рад рекомендовать ее для поступления в Университет Гейдельберга.

(Подпись) проф. Блейлер».

Как она сообщила матери, переезд немислим; разрешение в Цюрихе было достигнуто должным образом.

1910

Работая с Юнгом над своей диссертацией, Шпильрейн пишет в дневнике от 11 сентября 1910 года:

«Любовь к моему другу переполняет меня безумным жаром. Временами я яростно сопротивляюсь, а в другие моменты позволяю ему целовать каждый свой пальчик и прижимаюсь к его губам, теряя сознание от любви. И это я, обычно такая рассудительная, позволяю себе эти фантазии».

Эти фантазии — смесь «поэзии» и воспоминаний о том, что обычно происходило. Но теперь ее вывод таков:

«что ж, тогда я постараюсь увлечься чем-то другим, если это еще возможно. Я хочу, чтобы он любил и уважал меня, я хочу соединить свою жизнь с его... Нелегко отказаться от мысли о мальчике, о моем долгожданном Зигфриде, но что же делать?».

«Поэзия» вновь описывается в записи от 9 ноября 1910 года:

«Да, возможно самая сильная поэзия случилась неделю назад, во вторник. Он сказал, что любит меня потому, что в наших мыслях есть замечательные параллели; иногда я могу предсказать его мысли; он сказал мне, что любит меня за мой великолепный гордый характер, но также сказал, что никогда не женится на мне... Я чувствовала себя как мать, которая желает ему лучшего».

В декабре этого года Шпильрейн представила письменную экзаменационную работу на медицинском факультете.

Эпилог (1911)

20 января Шпильрейн сдала экзамены и 9 февраля защитила докторскую диссертацию, которую ее руководитель Юнг опубликовал в Jahrbuch в том же году, в том же номере, где Фрейд опубликовал свое эссе о Шребере. С 11 октября доктор Шпильрейн начала посещать встречи Венского Психоаналитического Общества, и 27 октября Фрейд пишет второй женщине, вступившей в Венское Общество:

«Дорогая фрау доктор,

Как женщина вы обладаете прерогативой более точно наблюдать вещи и более верно оценивать эмоции, чем другие... Наш последний вечер (25 октября) не был блестящим... Я полностью одобряю ваше отношение и с уверенностью смотрю в будущее. В конце концов, я делал это многие годы и при гораздо более сложных обстоятельствах. Я надеюсь, что в нашем кругу вы чувствуете себя как дома.

С сердечным приветом, Фрейд».

Шпильрейн оказалась проницательным наблюдателем и в двух других областях. Во время дискуссии на Венском Психоаналитическом Обществе (8 ноября 1911 года) об отсутствии времени и бессознательном она говорила о «том факте, что недавнее переживание имеет тенденцию вытесняться переживанием младенчества», что она связывала с «перверзиями» (инверсия, бисексуальность), инфантильными сексуальными теориями и регрессией к такого рода идеям в *dementia praecox* и затем ввела идеи «о Матерях» из «Фауста» Гёте, идеи, родственные высказанным Тауском. Во время следующей встречи (15 ноября), после доклада Райха о смерти и сексуальности, Шпильрейн сказала, «что она рассматривала многие из обсуждавшихся сегодня проблем в своей работе “Разрушение как причина становления”, тогда как Штекель говорит о “разрушительном инстинкте”». Эти идеи о слиянии анаклизиса, сексуальных инстинктов и агрессивных инстинктов предопределили будущую теорию дуальных инстинктов Фрейда, в которой сексуальные инстинкты и инстинкты Эго объединяются против инстинкта смерти — синонима, выбранного Фрейдом для агрессивных влечений в работе «По ту сторону принципа удовольствия», где Фрейд (1920, С. 55) признает свой долг перед Шпильрейн, великим первопроходцем психоанализа.

Благодарность

Я глубоко благодарен Mme и M. de Morsier из Женевы за великодушное разрешение опубликовать использовавшиеся в этой статье материалы, переписать которые мне было разрешено в их замечательном доме в 1998 году. Мнение о личной связи Шпильрейн с Клапареде ошибочно возникло вследствие того, что он был женат на женщине со сходным прошлым — на русской еврейке, Елене Спир, дочери философа А.А. Спира. Шпильрейн, наряду с Пиаже и de Saussure, была членом Женевского Психоаналитического Общества, основанного в 1920 году, где Клапареде был Президентом. Бумаги Шпильрейн, хранившиеся в доме и в офисе Клапареде, после его смерти были переданы вдовой и дочери выдающемуся

женевскому профессору неврологии Dr George de Morsier, который затем оставил их в наследство своему сыну и невестке Mme Helene de Morsier, и сейчас они известны как «Archives priveees de feu le professeur George de Morsier, Fonds Edouard Claparede». Я также благодарен за помощь, которую мне предоставил психолог и историк Dr Fernando Vidal из Женевского университета, который первый сказал мне о существовании диссертации Вилке и Факенхут 1993/1994 года, завершённой под руководством профессора Вольфгана Экарта, руководителя Института Истории Медицины при Университете Гейдельберга, который также предоставил мне копию этой диссертации. Эта диссертация содержит неопубликованные материалы, не включенные в работы Каротенуто (1982, 1986). Фрагменты этих материалов были ранее опубликованы в работах Бринкманна и Боуза (1986) и Чифали (1983).